

через посредство чуда совместного ожидания. Язык возникает только из молчаливого ожидания призыва» [3, 96].

Таким образом, важной задачей образования Ойген Розеншток-Хюсси – мыслитель и педагог, считает воспитание человека-слушающего: «Назначение речи, воодушевить слушающего в той же мере, в какой воодушевлен сам говорящий» [3, 151]. Ожидание слушающего зависит от авторитета говорящего в окружающем мире, в среде других учеников, в обществе, в культуре. А это значит, что с помощью авторитетов мы можем сделать так, чтобы ученики «почувствовали настоящий духовный голод». И тогда мы сможем понимать друг друга, входить в «большой диалог» целостного текста культуры, так как говорим на одном языке, будучи современниками, хотя по возрасту, а значит и по жизненному опыту учитель и ученик не равны.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Примеч. С.С. Аверинцева. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бахтин под маской. Вып. 5 (1): Статьи круга Бахтина / Вступит. ст. и коммент. В. Л. Махлина; Под общ. ред. И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1996. – 176 с.
3. Розеншток-Хюсси О. «Идет дождь», или язык стоит на голове // Философские науки. – 1994. – № 4-6. – С. 92-104.
4. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 213 с.
5. Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // О. Розеншток-Хюсси. Язык рода человеческого. – М.-СПб: Университетская книга, 2000. – С. 36-76.

Мотовникова Е.Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ОБ УСЛОВИЯХ УСПЕШНОГО ДИАЛОГА: Г.-Г. ГАДАМЕР – О. РОЗЕНШТОК-ХЮССИ⁶

В 1971 г. Г.-Г. Гадамер опубликовал статью, получившую в русском переводе название «Неспособность к разговору» (см. комментарий [1, 347]), а двумя годами ранее вышла впервые «Речь и действительность» О. Розенштока-Хюсси. В обеих работах ставится вопрос о причинах «мертвых» речей [ср., напр.: 1, 87; 2, 174] и условиях «подлинности» разговора [ср., напр.: 1, 83; 2, 190]. Авторы близки по

⁶ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 13-03-00336).

тематике и социальной направленности, по языку и философским предпосылкам, и тем ярче проявляется своеобразие позиции каждого, дающее нам возможность увидеть их взаимную диалогичность и уточнить собственное отношение к поднятой проблеме.

Прежде всего, следует отметить наиболее общее и основополагающее для остальных расхождений различие в трактовке разговора как события преимущественно экзистенциального (Гадамер) либо социального (Розеншток-Хюсси) порядка. Различие это проявляется и на содержательном, и на стилистическом уровне. Для Гадамера эталоном и идеалом выступает «опыт, позволявший людям шаг за шагом погружаться в разговор, ввязываться в него настолько, чтобы в итоге между собеседниками возникала такая общность, какую уже не разорвать» [1, 82-83]. Затрагивая проблематичность диалога в лекционной аудитории, со ссылкой на Платона, Гадамер утверждает: «нельзя вести разговор со многими одновременно, нельзя вести разговор даже в присутствии многих. <...> Однако бывают иные, подлинные, то есть индивидуализированные ситуации разговора, когда разговор сохраняет свою функцию» [1, 87]. Так, он видит смысл рассмотреть в качестве примера эффективного диалога успешные деловые или политические переговоры, которые, конечно, как «одна из форм социальной практики... не отличаются тем характером, что обмен мыслями между отдельными лицами» [1, 87-88], но все же заслуживают внимания, поскольку и в этой форме проявляется индивидуальное начало: «способность воспринимать другого именно как другого» [1, 88]. Для Розенштока-Хюсси, напротив, диалог всегда и прежде всего выражает социальную природу человека, как и вообще «язык – это коллективная воля, воплотившаяся в голосах. Говорящий ни в коем случае не может, стало быть, рассматриваться отдельно от других, от группы, он – один из голосов самой группы» [2, 175]. Все жизненно важное, что происходит в обществе (общественной группе), происходит в языке, и наоборот, состояние «социальной грамматики» позволяет ставить точный диагноз обществу.

С этим основанием связаны и различия в понимании причин диалогических неудач, которые Гадамер подразделяет в своей статье на субъективные и объективные. К первому роду он относит неспособность слушать. «...И неслышание, и ложное слышание, восходят к одной и той же причине, заключенной в самом человеке. Пропускает мимо ушей и неверно слышит тот, у кого уши, так сказать, постоянно забиты теми речами, с которыми он непрестанно обращается к самому себе, следуя своим влечениям, преследуя свои интересы, – до такой степени, что он и не способен слышать другого» [1, 90]. Одержимость собой, замкнутость, закрытость... – хорошо известный набор экзистенциально-психологических характеристик «монологической» личности, на фоне которого реплика Розенштока-Хюсси о субъективном «провале»

высказывания привлекает внимание небанальной очевидностью. «Обладая свободой речи, но не имея что сказать – разве мы «говорим»? <...> Человек произносит речь, когда он может действовать своим словом. <...> Можно быть оратором без всякого красноречия. Все, что для этого необходимо – позиция, с которой есть смысл произносить речи. А где имеет смысл говорить? В таком месте и в такое время, где и когда то, что я имею сказать, приведет к определенным последствиям». [2, 189]. Речи без последствий – сотрясение воздуха, пустая болтовня и потеря времени, даже если бы и нашлись (ненадолго – уверен Розеншток-Хюсси) желающие или вынужденные внимательно слушать. «Вот почему столь многие люди не могут отличить подлинную речь от псевдоречи. Псевдоречь – это речь, в которой вроде бы говорится то же, что и в подлинной речи. Только сказано это не тем человеком, не в том месте и не в то время. <...> Мир полон речей, произносимых не там и не тогда. Мир жив немногим числом речей, которые произнесены в нужное время в нужном месте» [2, 190].

Объективную причину ослабления потребности и потери навыков искусного диалога Гадамер видит в развитии технических средств коммуникации: «общий язык межчеловеческого общения все более распадается по мере того, как мы вживаемся в монологическую ситуацию научной цивилизации, привыкая к анонимной технике информации, во власть которой мы все отданы» [1, 90]. И снова Гадамер особенно грустит об эстетике подлинного диалога: «искусственное сближение людей, обеспечиваемое проволокой, грубо разрывает как раз ту тонкую оболочку, благодаря которой люди, прикасаясь друг к другу и вслушиваясь друг в друга, сближаются постепенно, но верно. Любой телефонный звонок отмечен жестокостью вмешательства в чужую жизнь, даже если твой собеседник заверяет тебя в том, что рад звонку» [1, 83]. Розеншток-Хюсси предлагает свое видение феномена и причин объективации общения, причем косвенно тоже соотносимое с технико-технологическим миром современности. «Сознание современного человека настолько ужасающе зависит от внешнего мира, что объективность стала его языковым стилем. <...> Когда мы не усматриваем в своих отношениях с визави и намек на партнерство, а напротив, находим у него другие интересы, он становится для нас как бы частью объективной природы. А часть природы – крепкий орешек, твердый и непроницаемый. В отношении объекта нам доступен только один языковой стиль. Мы можем измерить его и исчислить, взвесить и установить качественные данные; можно «принять в расчет», как мы любим многозначительно повторять, его тенденции и предпосылки, а вслед за этими расчетами его можно интерпретировать, оценивать и изменять, или купить его, или распорядиться, чтобы его произвели на свет научно обоснованным методом. По отношению к объективному миру мера и цифра, вычисление и расчет, пропорция и

математика суть точные термины, которые применяются к объектам нашей деятельности для того, чтобы преодолеть их сопротивление» [2, 177]. В зависимости от нашей собственной социальной позиции нам могут быть ближе и понятнее опасения технического или социального отчуждения, и в этом смысле Гадамер и Розеншток-Хюсси серьезно дополняют подлинные высказывания друг друга, имеющие последствия в современных дискуссиях.

Именно в этом взаимном обогащении идей, переключке высказываний, пересечении контекстов – непреходящая актуальность классиков философии диалога. «...Говорить значит, участвуя в жизни общества, вносить в это движение нечто свое. <...> Посредством речи мы, стало быть, питаем жизнь общества подлинной энергией» [2, 188]. «Даже в тех случаях, когда, казалось бы, нет общего языка, благодаря выдержке, тактичности, взаимному расположению и терпимости, можно, безусловно, полагаясь на разум, нашу общую долю, добиться многого» [1, 91].

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 81-91.
2. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – 216 с.

Мусиенко А. В.,

научный руководитель Климова С.М.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Белгород, Россия

К ВОПРОСУ О ВИДЕНИИ РОЛИ РЕЛИГИИ Л.Н.ТОЛСТЫМ

Знания человека о мире растут ежечасно, и если во времена античности и средневековья время между единичным ответом на вопрос о жизни природы и человека и применением такого знания растягивалось на десятилетия или даже столетие, то с ростом технического прогресса между научным открытием и внедрением его в жизнь проходят считанные дни.

И если ранее роль религии в жизни человека определялся однозначно – согласно месту его проживания и принятым там традициям, то сейчас плюрализм мнений и мультикультурализм ставит перед мыслящим человеком порой неразрешимые задачи: осталась ли необходимость в религии? Как она влияет на мировоззрение? Отсюда вытекает следующий вопрос: каким образом современный человек может получить знание о религии и вере? Для богословов ключи к пониманию веры находятся в священных текстах, философы же часто пытаются найти собственные пути постижения религии и веры. В этой связи интересной и